

Александра Груздева

Как рождаются привидения

рассказ

16+

Александра Груздева
Как рождаются привидения

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Груздева А.

Как рождаются привидения / А. Груздева — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Что делать, когда тебе пришло время умирать, а не хочется? Родственники уже делят наследство, а ты желаешь, чтобы оно было им не в радость. Твой дух так зол и силен, что не может отпустить земную жизнь.

В подмосковной квартире угасала Тамара Владимировна Подберезская. Неведомый гигант надавил ей на спину большим пальцем – согнул до земли; взял в ладони лицо, сжал его, как печеное яблоко, заставив собраться в морщины; повыдергал волосы через один, выбелил их дьявольским порошком, полюбовался на свою работу, да так и оставил. Руки уже невозможно было завести за спину, плечи назад не гнулись, наоборот, так и норовили припасть к коленям. Спать на спине мешал горб. Да и спать она по ночам не могла. Легкое снотворное не брало, сильное – опасалась принимать. Ворочалась полночи. Вставала пить чай. Чайник пока слушался, и газ зажигался, если поддуть синее пламя. А верхний свет она не включала, чтобы случайный злодей, бродяга на улице, не подумал, что ее окно чем-то знаменито, и не запомнил его.

С тех пор как вышла на пенсию, в пятьдесят лет, все снился Сахалин. Проработала на острове двадцать семь лет сначала продавщицей, потом товароведом. Красавица с тонким носом и породистыми мочками ушей – долгими, тяжелыми, еще и оттянутыми к плечам золотыми сергами. Это она, милушка, смотрит с овальной карточки на стене.

Прически носила высокие, хорошо ложились волосы, форму держали, рыжие и жесткие, как медная проволока. Вот распустишь их, торчат, как у домовенка, а наверх зачешешь – царская особа.

Халатов не терпела. Шила домашние платья из ситца. Иные такой фасон в театр носят: в воланах, в кружевах. А она – дома, запросто. Зато в свет выходила, все оборачивались: в парче, в бархате, в мехах. Будто и не в деревне выросла. Всю жизнь старалась деревню не вспоминать, а под старость начала сниться мама, давно покойница, старый деревенский дом, первая швейная машинка, бесконечные шторы, простыни, которые подрубаешь, подрубаешь, а края их не видно.

– Томка-то у меня мастерица, – одобрительно качает во сне головой мама, принимая работу – километры бязевых простыней. – Давай-ка еще простынку...

– Не могу, не могу больше, – стонет Тома, отталкивая руками рулон полотна, и стон прорывается в явь.

– Что, бабушка? Что? – волнуется неродная внучка и, преодолевая отвращение, трясет бабку за дряблое мяско на плече.

– А? Ты кто? – кричит в испуге баба Тома, приоткрывая мутные ото сна глаза. – Где все? Где остальные?

– Так нет никого, бабушка, – бормочет девушка, чуть не плача.

– Уйди! – защищается пуховым платком старуха.

– Я, Рая, Раиса, ваша соседка, – а сама дрожит цуциком.

– Какая я тогда тебе, к черту, бабушка? – резонно возражает баба Тома. – Тамара Владимировна, я тебе. Чего подскочила? Лупатые-то глаза подбери, чего смотришь?

Качаясь в недоумении, баба Тома поднимает себя на желтые, как у залежалой курицы, ноги. Хватается руками за все, до чего дотянуться может. Дорога жизни – на кухню. И каждый раз по пути поражается – как удобно расположены ручки дверей, как удачно она когда-то расставила мебель, будто знала, что придет день и шкафы, и тумбочки станут ее единственной опорой.

Запах в квартире – Раиса втягивает воздух носом – как в старой мышеловке: и крошками, и кашками пахнет, и страхом, и шерстью, и слюной, и мышами.

– Как проникла-то? – спрашивает подозрительная бабка Раису, не веря в «легенду» об отзывчивой соседке. Но гостеприимно ставит чай, достает из холодильника пастилу, звенит чашками.

– Дверь у вас открыта.

– Вершь, девка, дверь я запирала. И проверяла ночью замок.

Закрывала и проверяла. И забыв, что закрыла, поворачивала вентиль замка обратно – открывала. Так и ложилась спать с открытой дверью и со спокойной душой.

– Не знаешь, к чему полотно-то снится?

– Полотно?

– Да, шторы, простыни...

– Не знаю.

– К дальней дороге. К дальней...

Знала – умирать придется. И даже собрала коробку, на крышке карандашом крест начертила: черточка вверх, черточка вбок и нижнюю ножку косо, точно обидевшись, перечеркнула. Коробка с приданым на кладбище. Но как-то не верила, что это для нее. Там, в коробке, все красивое, но ненастоящее, кукольное. Розовое платье. Она бы сейчас такое и не надела, не по возрасту. Розовая наволочка с воланом, розовое покрывало. Платок белый, шелковый. Хотела бы в шляпке лежать. Но подруга сказала – в шляпе не хоронят, еще и на смех ее подняла: «Ну, ты бабка, а не знаешь!» Баба Тома не чувствовала себя бабкой, до сих пор кроила и переделывала шляпки, прямо как Коко Шанель. На трехлитровых банках, вместо болванок, сидели зимние меховые, фетровые весенние, с жемчугом, с вуалетками, с перьями. Та самая подруга корила ее за экстравагантность: «Куда вырядилась? На рынок ведь идешь!» Но Тома еще в молодости себе крепко-накрепко пообещала: «Даже в старости буду наряжаться!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.